

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42+81'38

Аникеева Татьяна Владимировна
аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anikeyeva Tatsiana
Postgraduate Student of the Department
of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

PRECEDENT PHENOMENA AS LANGUAGE OBJECTIFICATION OF INTERTEXTUAL RELATIONS

В статье анализируются основные теоретические посылки изучения межтекстовых связей художественного текста. Описывается становление понятийного аппарата для исследования проблематики межтекстовых связей. Исследуется проблема определения языковых средств содержательного диалога текстов. Рассматриваются основания смыслового сопоставления прецедентных единиц и заимствующего текста. Устанавливается статус прецедентного феномена как средства выражения межтекстовых связей.

Ключевые слова: *прецедентный феномен; межтекстовые связи; диалог текстов; критериальные основания; языковая интеграция.*

The article analyses a range of theoretical approaches to the problem of intertextual relations and their objectification in modern literary texts. It describes the language means that form the content of dialogue between texts, and attempts to define the status of a precedent phenomenon as a language means to explicate intertextual relations. It analyses the problem of the definition of intertextual means and studies the basis for comparing precedent phenomena and adapting text analysis and integration. It defines the status of precedent phenomena as language objectification of intertextual relations.

Key words: *precedent phenomenon; intertextual relations; text dialogue; criterial basis; language integration.*

Современная культура насыщена разнообразными информационными кодами, обрывками текстов, перекликающимися мотивами, пересекающимися между собой, вступающими в определенные отношения с целью порождения нового. Сотканное из обрывков других текстов, опытов, отсылок, воспоминаний, современное семиотическое и культурное пространство перенасыщено заимствованной составляющей, находящей свое отражение в текстах других эпох. Данный факт приводит к тому, что исследователь или реципиент текста XXI века имеет дело с текстовым пространством как традиционным объектом филологического и гуманитарного анализа и интерпретации, а также с тем его слоем, образованием, которое носит название подразумеваемого текста как

знакового комплекса, насыщенного иносемиотическими формулами и кодами [1]. Многочисленны и определения, служащие для отражения присутствия одного семиотического пространства в другом, – интертекст, инотекстуальность, фенотекст, генотекст, многие из которых, изначально представлявшие собой метафорически-иносказательные способы отражения логических связей между текстовыми пространствами, в данный момент являются закрепленными в лингвистической среде терминами, представляющими различные виды текстового взаимодействия. Несмотря на значительное количество работ, отражающих проблему присутствия «чужого слова» в заимствующем тексте, на настоящий момент вопросы, связанные с установлением сущности данных единиц, их отношения к тексту-реципиенту, определением видов межтекстовых отношений, формируемых на основе данных средств в современном текстовом пространстве XXI века, представляются недостаточно разработанными, обуславливающими возможность дальнейшего изучения и классификации.

Для решения подобных проблем в литературоведческом и общепило-софском аспекте послужили исследования диалогичности. Данный термин не только фокусировал внимание исследователей на двусторонности текстовых отношений и обращенности текста, в том числе и на самого себя, но и способствовал последующему осмыслению герменевтики текстового пространства: в языке постоянно осуществляется «соотнесение с иными реальностями, взрывающими официальную, прямую, «приличную» поверхность слова» [2, с. 493]. Дальнейшее изучение проблемы соотнесенности текстов друг с другом позволило продолжить исследование межтекстовых связей. Еще одной метафорой, зародившейся как попытка установления отношений между текстовыми фрагментами, служит диалог текстов, который представляет собой удачную метафору для описания текстового взаимодействия, поскольку диалогичность как понятие, традиционное для исследований речи и речевых актов, направлена на диалогический обмен высказываниями в рамках определенной ситуации, где ключевым является фактор ситуации, активизирующий роль адресата в речевой деятельности адресанта [3, с. 135]. Подобным образом в ролях адресата и адресанта могут выступать тексты как семиотические сущности, что также может предполагать взаимообмен и взаимообогащение их фрагментами друг друга. Помимо диалога текстов как сущностей, имеющих семиотическую природу, фрагменты чужих текстов являются объективно опознаваемыми в большинстве текстов если не на семантическом, то, в первую очередь, на формальном уровне, а способность опознавать «диалогичный» текстовый фрагмент обуславливается жизненным опытом, багажом школьных знаний, литературной эрудицией, вкусом и зависит от выработанного у реципиента навыка критического отношения к прочитанному [4, с. 24].

Наиболее явными средствами, обеспечивающими диалог текстов XXI века, являются межтекстовые связи, благодаря которым представляется возможным проследить текстовый диалог в содержательном и формальном отношениях

[5, с. 173]. Под межтекстовыми связями понимаются содержащиеся в том или ином конкретном тексте, выраженные с помощью определенных словесных приемов отсылки к другому конкретному тексту (или к другим конкретным текстам [6, с. 72]. Содержательный аспект диалога текстов репрезентируется в широком спектре феноменов, исследуемых как в литературоведении, так и в лингвистике, и представляет собой разнообразные тематические переключки, детализации или конденсации различных сведений, дополнения, опровержения, манифестированные через специфическое использование языковых средств или особых приемов. Формальный диалог текста отражает то, как в разных коммуникативных условиях реализуется один и тот же тип текста при пародировании или сатире, ремейке или вариациях на тему [5, с. 174]. Диалог текстов может быть распознан реципиентом в соответствии с реализацией единиц, эксплицирующих связи разного типа, позволяющих, с одной стороны, заимствовать фрагмент, обладающий особым содержательным и кумулятивным потенциалом и способствующий приращению формального и содержательного текстового плана, и, с другой стороны, репрезентировать определенные культурные установки, ценности, ориентации, свойственные пространству современной культуры. Единицы подобного типа носят название прецедентных и, как следует из их канонического определения, являются значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известны широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и обращение к ним возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [7, с. 216].

Способность текста включаться в сеть разнородных межтекстовых связей приводит к возможности распознавания данного типа связей по разнородным критериям. Критериальные основания, по которым предпринимается выделение межтекстовых связей, предполагают учет когнитивных, интеракционных, языковых и текстограмматических характеристик. Под когнитивными основаниями понимается то утверждение, что организация любого конкретного текста опирается на представления и знания, которые являются полностью или частично общими для всех носителей языка и культуры. Помимо знаний, особое значение в реализации средства выражения межтекстовых связей играет образ как индивидуальный или коллективный феномен освоения предметной действительности в целях осуществления культурной и межкультурной коммуникации. Образность и образная оценочность, закрепленные за определенным текстовым фрагментом, могут предполагать различное образно-оценочное восприятие понятия с точки зрения представителей разных культур: *Stoltz was right. The play did not share the bleakness or scepticism of Lázár's earlier work, and much of the reason lay with the character of György, a man who in his youth might have served as a model for a classic Soviet worker-hero, and seen himself sculpted in monumental brass for a public square, but forty years on, unillusioned, free of all dogma, he is merely decent, with the kind of gut courage and gut morality Camus endorsed* 'Штольц был прав. В пьесе не было той мрачности или скептицизма, так характерных для раннего творчества Лазара, и в значи-

тельной степени причиной был характер Георгия, человека, который в молодости мог бы служить образцом классического советского героя рабочего класса и увидеть себя в монументальной бронзе на одной из площадей, но спустя сорок лет, избавленный от иллюзий, свободный от догм, он просто порядочный человек, с той природной храбростью и моралью, которая воспета у Камю¹ [10, р. 48]; *Чё господа предпочитают в это время дня? Белое? Кампари? Виски? Может быть, мартини с водкой, смешать, но не взбалтывать? Мартыныч – просто закачаешься. Как слеза комсомолки, ей-право* [11, с. 158–159]. Данные примеры иллюстрируют значительные культурно обусловленные расхождения в отношении оценочности прецедентных феноменов, представленной в рамках сферы-источника «Советский Союз» (внешний вид увековеченного в бронзе образа советского рабочего апеллирует к высоким стандартам морали и уровню личной ответственности, в то время как образ девушки-комсомолки имеет ироничный оттенок). Вместе с этим, прецедентные феномены, имеющие в качестве сферы-источника широко растиражированные мифологические и религиозные сюжеты, демонстрируют меньшую оценочную вариативность в восприятии членов различных языковых сообществ: *Presumably he was counting off his daily quota of lengths, getting himself in shape, but it looked unprofitable, forlorn, like that Greek in hell who pushed a rock up the hill all day just to watch it roll to the bottom again* ‘По-видимому, он отсчитывал свою ежедневную норму дистанции, приводя себя в порядок, но это выглядело невыгодно, жалко, словно у того грека в аду, который катал камень в гору целый день лишь для того, чтобы убедиться, что он тут же скатится вниз’ [10, р. 100]; *...качусь кубарем, стремительно замыкая золотое кольцо жизни, иль, как Сизиф, упорно вздымаю свой гранитный валун к вершине, хотя и верно знаю, что не удержат его на коварной круче* [12, с. 330]. Таким образом, национально-культурные различия, представленные в языке и закрепленные за определенным прецедентным феноменом, с одной стороны, являются средствами обращения и трансляции культурных смыслов и ассоциаций, а также затрудняют или облегчают межкультурную коммуникацию. Данный тезис поддерживается положением о том, что в рамках определенной культуры слово может быть национально маркировано и иметь помимо основного денотативного значения еще множество дополнительных экстралингвистических значений, актуализирующихся у воспринимающего сознания только при наличии соответствующих фоновых знаний. Таким образом, прецедентный феномен представляет собой манифестирующийся в языке когнитивно-обусловленный феномен, имеющий в своей основе образную составляющую, способствующую аккумуляции, хранению и дальнейшей актуализации лингвистического и экстралингвистического фонового знания. Несмотря на многообразие и разнообразие знаний и представлений о различных предметах и связях между ними и тот факт, что «наборы» подобных знаний являются

¹ Здесь и далее перевод наш. – А. Т.

индивидуально обусловленными, ядро подобных наборов носит надиндивидуальный характер, позволяя осуществлять коммуникацию между членами одного или нескольких языковых сообществ [8, с. 43].

С другой стороны, интеракциональность подразумевает обращение к тексту как к результату деятельности, предполагающей реализацию языка как культурного кода. В рамках языка как кодовой системы возможно представить язык как систему сигналов всех уровней, где языковые единицы (фонемы, морфемы, лексемы) способны передавать информацию всем реципиентам, владеющим данным кодом [4, с. 30]. В свете описанного представляется возможным определить прецедентный феномен как явление, предусматривающее перекодировку – сперва прецедент кодируется по правилам исходного текста; но именно его вхождение в текст-реципиент предполагает трансформацию его коннотативного и семантического потенциала.

Языковые отношения между прецедентным феноменом и окружающим его текстовым пространством также вызывают ряд вопросов, связанных с сущностью прецедента и его смысловой репрезентацией. Особо важной в этом отношении представляется проблема диалогических отношений внутри лингвистического поля: «два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают некоторые отношения, если между ними есть хоть малейшая смысловая конвергенция» [9, с. 321]. При этом различные типы прецедентных включений обуславливают различный характер конвергенции в силу особенностей их структурной организации: прецедентное имя, носящее словный или сверхсловный характер, осуществляет смысловое сближение на основе эксплицированного или неэксплицированного атрибутивного компонента, реализующего номинативное сближение и перенос атрибута с одного лица или объекта на другой: *Розовые, распаренные физиономии с обведенными черным глазами выглядят фантастически; неожиданно Знаев понимает, что рядовой Алиев – весьма красивый парень, да и рядовой Сякера, уроженец Витебска, тоже практически Ален Делон, а рядовой Язбердыев в полупрофиль неотличим от Брюса Ли* [13, с. 362]. Схожим образом конвергенция наблюдается в случае реализации прецедентного текста, однако смысловое сближение в таком случае устанавливается вследствие знакомства с указанным источником путем апелляции к одному из многочисленных семантических признаков: *Те, что приличные люди, приходили к Витьке с доказательствами, сдохлыми курами, обернутыми в газету: «Плати, Витя, по четыреста рэ за убиенную душу». Ну, он сначала отдавал-отдавал... А когда денег ушло за пятнадцать тыщ, Витя позеленел и платить перестал: что-то, говорит, целая птицеферма задушенных тут набирается. Это вам что – **архипеллаг-гулаг?*** [14, с. 84]. Прецедентные ситуации, напротив, фокусируют внимание реципиента на одном или нескольких семантических признаках, нередко приводя источник подобного заимствования: *...а за ней – **в букетах и венках, как майская утопленница,** – выйдет та самая Нина* [14, с. 19].

Вопросы формально-смысловой интеграции прецедентного феномена в значительной степени затрагивают такое понятие, как проблема нового и границ нового в тексте. Исследование сущности прецедентного феномена и разнообразных аспектов его функционирования сводится к необходимости представления лексикографического комментария, поскольку введение и реализация в рамках текста новой информации не может рассматриваться вне учета общественных, научных, религиозных, исторических факторов, формирующих его связь с внетекстовой действительностью. Информативность прецедентного феномена, таким образом, представляется одной из наиболее значимых черт, связанных с его узнаваемостью. Данный фактор информативности может варьироваться в значительной степени, поскольку информативность также варьируется в зависимости от фактора адресата. В то время как для одного получателя включение в состав прецедентного феномена будет являться фрагментом новой информации, для другого сообщение будет лишено информации в силу низкого образовательного уровня или общей малопонятности. В этом отношении для облегчения установления межтекстовой связи и опознания прецедентного феномена могут использоваться графические способы экспликации данных связей с помощью маркирования фрагмента «чужого текста»: *Его больше интересовала та ночь, когда Люба решила меня зарезать. Вернее, не меня, а того несчастного иудея, в которого, по ее смутным предположениям, я превратился, лежа в ее постели. «Олоферн недорезанный» – было теперь мне имя* [15, с. 183].

В работах В. В. Красных особо отмечается, что, если в тексте идет апелляция к прецедентному феномену с дополнительной расшифровкой и комментарием, то для адресата он не представляется прецедентным. На наш взгляд, отсутствие маркирования границ текстового заимствования может указывать на частотность или высокую адаптивность прецедентного включения к текстовому окружению, но не служить способом определения статуса инотекстового фрагмента. Отсутствие маркирования границ прецедентного феномена служит одним из типичных способов его репрезентации, что происходит даже в рамках одной лингвокультуры и представляет определенную сложность для установления источника его заимствования. В то же время, учитывая принципиальную разнородность образовательного уровня конечного потребителя текста, в рамках демократизации языка, увеличения медийной нагрузки на современного реципиента и возрастающей динамики фонда прецедентных явлений, для современного художественного текста характерным является использование сопровождающего прецедентный феномен комментария, что, с одной стороны, служит фактором маркирования прецедента, с другой стороны, повышает его узнаваемость среди широкого круга реципиентов.

Повышающаяся семиотизация текстового пространства, фрагментация и использование все большего количества инотекстовых включений требует необходимость исследования семантической стороны прецедентных включений и способов их текстовой репрезентации. Комплексный подход к прецеден-

там как средствам выражения межтекстовых связей предполагает их изучение по нескольким критериальным основаниям, обуславливающим их природу и функционирование, к которым относятся когнитивный, интеракционный, языковой и текстограмматический планы. В когнитивном аспекте прецедентные языковые явления представляют собой языковые средства отражения сложных когнитивных образных структур, направленных на аккумуляцию, хранение и дальнейшую актуализацию лингвистического и экстралингвистического фонового знания. Семантическая интеграция прецедентного явления современного художественного текста происходит благодаря актуализации процесса конвергенции, предполагающего смысловое сближение инотекстового включения и окружающего его текстового пространства. Прецедентное имя имеет отчетливую признаковость репрезентации на основе переноса; конвергенция на основе прецедентной ситуации или прецедентного текста устанавливается путем выбора из или апелляции к одному из многочисленных семантических признаков, составляющих сущность феномена. Информативность прецедентного феномена предстает как необходимое условие его реализации и опознавания в пространстве, что ведет к использованию особых средств его маркирования. Наряду с отсутствием специфических способов маркирования прецедентного феномена в тексте-реципиенте, одним из способов его выделения служит использование кавычек в целях установления текстовых границ заимствования или привлечения особого внимания реципиента к выделяемому фрагменту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infliolib.info/philol/bahtin/probltext.html#1>. – Дата доступа: 03.09.2020.
2. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
4. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
5. *Гришаева, Л. И.* Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов / Л. И. Гришаева // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Язык и литература. – 2019. – № 16 (2). – С. 172–187.
6. *Горшков, А. И.* Русская стилистика : учеб. пособие / А. И. Горшков. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 367 с.
7. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. *Красных, В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

10. *Miller, A. Oxygen* / A. Miller. – London : Hodder & Stoughton, 2001. – 323 p.
11. *Архангельский, А. Н. Бюро проверки* / А. Н. Архангельский. – М. : АСТ, 2020. – 442 с.
12. *Личутин, В. Беглец из рая* / В. Личутин. – М. : Вече, 2017. – 640 с.
13. *Рубанов, А. Патриот* / А. Рубанов. – М. : АСТ, 2017. – 507 с.
14. *Рубина, Д. Наполеонов обоз* / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2019. – Кн. 1: Рябиновый клин. – 448 с.
15. *Геласимов, А. Рахиль* / А. Геласимов. – М. : Эксмо, 2016. – 352 с.

Поступила в редакцию 19.03.2021